

УДК 81:1

ПИСЬМО РЕНЕ ДЕКАРТА АББАТУ МЕРСЕННУ

(20 НОЯБРЯ 1629 ГОДА).

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Гончарова А.А.

Рассматриваемое письмо представляет большую ценность для исследований в области лингвофилософии и языкознания. В нем изложены комментарии Р. Декарта к первому проекту универсального языка. Благодаря этим комментариям Декарт был признан одним из первопроходцев лингвоконструирования. Письмо содержит выводы философа относительно грамматики универсального языка, возможности его использования на практике и препятствий воплощению проекта в жизнь.

Ключевые слова: Рене Декарт, письмо к аббату Мерсенну, универсальный язык, лингвофилософия, лингвоконструирование, грамматика, звуки, письменность.

RENE DESCARTES' LETTER TO ABBOT MERSENNE.

NOVEMBER, 20, 1629.

TRANSLATION FROM ENGLISH

Goncharova A.A.

This letter is of value for lingua-philosophical and linguistic researches. Rene Descartes' remarks about the first proposal for the universal language are expounded in it. Descartes was considered as a pioneer in linguistic constructions due to these remarks. This letter contains philosopher's conclusions about the universal language's grammar and use, as well as project's implementation obstacles.

Keywords: Rene Descartes, letter to Mersenne, universal language, linguistic philosophy, linguistic constructions, grammar, sounds, written language.

Рене Декарт (1596-1650) – французский философ, математик, физиолог и механик. Его научное наследие дошло до современных читателей не только в

виде книг и трактатов, но и в виде писем. Исследуя довольно широкий спектр научной проблематики, Декарт вел переписку со многими учеными. Нередко философ связывался с ними не напрямую, а через своего друга аббата Марена Мерсенна, который впоследствии был признан координатором развития научной мысли своей эпохи, помогая почти 80 своим корреспондентам обмениваться опытом и идеями.

Именно Мерсенн в 1629 году прислал Декарту проект универсального языка неизвестного автора. Философ подверг предложения обширной критике, и его комментарии, содержащиеся в ответном письме аббату, стали одним из первых фундаментальных исследований в области лингвофилософии, и частности лингвоконструирования.

Таким образом, Декарт развил проблемное поле, фундамент которого был заложен Френсисом Бэконом, обосновавшим необходимость создания специальной философской грамматики. Данная грамматика должна была устранить негативные последствия смешения языков и способствовать установлению однозначных связей между словами и символами. Проблема поиска универсального языка актуальна и по сей день, поэтому письмо Декарта представляет особую ценность как отправная точка для исследований в данной области.

В России переписка Рене Декарта выборочно представлена в составе сборника сочинений под редакцией В.В. Соколова, в переводе с латинского и французского языков Я.А. Ляткера и С.Я. Шейнман-Топштейн. Однако рассматриваемое нами письмо в данной книге отсутствует.

В качестве источника для перевода выбран англоязычный сборник «Переписка Декарта. Избранное» (Selected correspondence of Descartes) доктора литературы (D.Lit) Кембриджского университета Джонатана Беннета – члена Американской академии искусств и наук и Британской академии, автора многочисленных статей и монографий по философии Нового времени, переводчик философских трудов раннего Нового времени. Сборник включает письма Рене Декарта, написанные им в период с 1619 по 1650, и представляет

особую ценность для исследователей различных научных областей, которые затрагивал французский философ, поскольку, с одной стороны, содержит немало текстов, не вошедших в фундаментальные трактаты, а с другой – более ярко отражают образ мыслей Декарта.

Descartes René Au Père Mersenne, 20 novembre 1629. Перевод с английского языка.

На первый взгляд этот проект нового языка выглядел более выдающимся, по сравнению с тем, что я обнаружил при более тщательном его рассмотрении. В любом языке есть лишь два аспекта, требующих досконального изучения, – значения слов (лексика) и грамматика. Что касается значения слов, то в этом плане автор не выдвинул ничего принципиально нового: в четвертом предложении он говорит, что «язык должен легко переводиться с помощью словаря», – и таким способом может осуществить перевод любой человек, даже с самыми минимальными познаниями о языке. Я уверен, что если дать Клоду Арди – человеку, который утверждает, что владеет 36 восточными языками, – хороший словарь китайского, то он обязательно сможет к каждому слову подобрать все возможные переводы.

Но не все могут сделать то же самое из-за сложности грамматики. В этом, я полагаю, и заключается секрет автора, но в этом ничего сложного нет.

Если разработать язык:

- с единственной моделью спряжения глаголов, склонения существительных и словообразования;
- без недостаточных и неправильных глаголов, употребление которых представляется искаженным;
- без грамматически изменяемых существительных и глаголов, а также фраз, которые образуются при помощи приставок и суффиксов, добавляемых к исходным словам;
- с перечислением всех используемых приставок и суффиксов в словаре;

– любой человек смог бы освоить язык и научиться писать на нем при помощи словаря менее чем за шесть часов. Вот вся суть его первого предложения.

Второе предложение гласит: «Если однажды этот язык был выучен, другие языки могут изучаться как его диалекты». Это всего лишь расхваливание продавцом своего товара. Автор просто принимает универсальный язык за базис, поскольку тот не перегружен грамматической неупорядоченностью по сравнению с остальным, хотя нужно было, в первую очередь, уточнить, какое время займет изучение этого языка.

Обратите внимание на то, что в лексиконе этого языка должны быть исходные слова, чтобы можно было без труда подобрать к ним синонимы из других языков. Например, для обозначения глагола «любить» можно использовать *aimer*, *amare*, *φιλεῖν* и так далее. Француз добавит к глаголу *aimer* аффикс, чтобы получить форму существительного *amour*, то же самое сделает грек с глаголом *φιλεῖν*. Таким образом, очевидно, что будет происходить с языком, как будет «развиваться сценарий».

Если в словаре будет обнаруживаться символ, соответствующий *aimer*, *amare* и всем имеющимся синонимам из других языков, то любой человек с помощью такого словаря сможет перевести книгу, написанную на рассматриваемом языке.

Пятое предложение поразило меня своим рекламным содержанием. Как только я вижу слово «тайна» в любом предложении, меня одолевают сомнения в его истинности. Но я думаю, все, что он имел в виду, – причина его усиленных размышлений о грамматиках других языков с целью упрощения, в первую очередь, для самого себя, метода их преподавания, чтобы разъяснять их лучше, чем среднестатистический инструктор.

Есть еще третье предложение, которое явилось для меня абсолютной загадкой. Он утверждает, что интерпретирует мысли античных писателей, минуя используемые ими слова, в то же время, принимая каждое слово за выражение истинной дефиниции вещи, на которую это слово ссылается. Иными

словами, он собирался интерпретировать мысли этих писателей, придавая их словам смысл, который сами они им никогда не придавали, – а это абсурд. Но возможно, что автор имел в виду нечто другое.

Таким образом, получился план реформации существующей или даже изобретения новой грамматики, которая может быть выучена за 5-6 часов и применима ко всем языкам. Этот план был бы полезным в том случае, если бы все согласились его принять. Но здесь я обнаружил две трудности, этому препятствующие.

1. Неблагозвучные комбинации букв постоянно будут образовывать неприятные для слуха звуки. Почему общее использование приводит к тому, что слова по-разному склоняются в разных языках? Исключительно для того, чтобы исправить этот дефект. Но у автора с единственной для всех языков грамматикой такого корректирующего средства нет. Поэтому то, что звучит просто и приятно во французском языке, например, немцам может казаться грубым и невыносимым. Максимум, что можно сделать в этом случае, – избежать неблагозвучных комбинаций слогов в одном или двух языках. Таким образом, универсальный язык будет действовать лишь в пределах одной страны. Но французам незачем учить новый язык для общения исключительно со своими соотечественниками.

2. Будут проблемы с изучением слов предполагаемого нового языка. Если каждый человек использует исходные слова своего родного языка, он не будет испытывать больших трудностей, за исключением того, что его будут понимать только соотечественники. Если его должны понимать и иностранцы, тогда этому человеку придется *писать* то, что он хочет сказать, – тогда иностранец сможет посмотреть значения слов в словаре. Но это слишком обременительно, чтобы использоваться на практике.

Если автор хочет, чтобы люди изучали исходные слова, которые являются общими для всех языков, он не найдет готовых создать себе такую проблему. Было бы проще заставить всех согласиться изучать латынь или какой-либо другой язык, используемый в настоящее время, чем убедить

выучить новый, для которого еще не написано учебников для отработки навыков чтения, у которого нет носителей, с кем можно было бы практиковаться в разговорной речи. Если этот вымышленный язык и принесет пользу, то только если будет увязан с письменностью.

Предположим, имеется большой словарный запас для всех языков, на которых человек хочет, чтобы его понимали. Для каждого исходного слова есть специальное обозначение (например, для глаголов, означающих «любить» – *aimer*, *amare* и *φιλεῖν*). Тот, кто владеет таким лексиконом и знает соответствующую грамматику, может перевести написанное на свой родной язык, находя обозначения одно за другим. Но никто, зная, что можно поступить проще, не будет обременять себя такими сложностями. Поэтому я не вижу перспектив у данного проекта. Возможно, я не прав. Я просто хотел написать все, что могу предположить, основываясь на этих шести предложениях, которые Вы мне прислали. Когда появится возможность увидеть систему в действии, тогда можно будет сделать заключение о корректности ее работы.

Я верю, что, хотя эта система могла быть разработана для конструирования универсального языка – системы исходных слов и ассоциативных символов, – обучить ей людей можно было бы очень быстро. Главное здесь – порядок, в котором мысли будут входить в человеческий разум. Взять, к примеру, естественный порядок чисел: за один день человек может выучить названия всей бесконечности чисел и назвать любое число кому-либо, кто не знает языка, на котором он говорит. Можно написать «271», и это достигнет разума и серба, и эскимоса, и монгола, даже если не знать, как это число звучит на их родных языках. Теоретически тот же самый принцип может работать в отношении всех других слов, которые нужно выразить, и всех вещей, с которыми сталкивается человеческий разум. Если обнаружить этот порядок, то, несомненно, язык распространился бы по миру. Многие люди охотно посвятили бы 5-6 часов тому, чтобы узнать, как сделать так, чтобы их понимала вся человеческая раса.

Я полагаю, что автор проекта универсального языка не задумывался об этом. Это не было упомянуто в его предложениях, и в любом случае открытие этого языка зависит от «истинной философии» (в данном случае – психологии). Необходимо, чтобы была возможность:

- пронумеровать и упорядочить все человеческие мысли и идеи единственным образом;
- выделить среди них чистые идеи, которые, на мой взгляд, являются величайшей тайной для всей совокупности наук.

Если бы кто-то дал правильное объяснение тому, как свести в систему и структурировать простейшие идеи, выделенные из общего массива человеческих мыслей, и если бы это объяснение было принято обществом, я рискнул бы допустить возможность появления универсального языка, который легко было бы выучить, на котором легко было бы говорить и писать и, главное, который помог бы человечеству в суждениях, предоставляя для этого настолько очевидные основания, что ошибиться было бы просто невозможно. Сравните с тем, что мы имеем сейчас: почти все наши слова обладают спутанными смыслами, и человеческие умы за длительное время настолько к ним привыкли, что сложно найти что-то, что они понимали бы в совершенстве.

Я с уверенностью заявляю, что существование такого языка возможно, и что наука, которая от него зависит, будет открыта, таким образом, обыватели смогут рассуждать об истине более компетентно, чем современные философы. Однако я не надеюсь когда-нибудь увидеть, как этот язык употребляется в жизни. Это потребует кардинальных преобразований системы фундаментальных вещей, что превратит мир в рай на Земле [1, р. 6-8].

Список литературы:

1. Bennett J. To Mersenne, 20.xi.1629. Selected correspondence of Descartes. Cambridge University Press, 2013. 230 p.

Сведения об авторе:

Гончарова Алина Алексеевна – аспирант кафедры гуманитарных дисциплин Сергиево-Посадского гуманитарного института (Сергиев Посад, Россия).

Data about the author:

Goncharova Alina Alekseevna – graduate student of Humanities Department, Sergiev-Posad Humanitarian Institute (Sergiev Posad, Russia).

E-mail: lynn-goncharova@mail.ru.